

МОСКОВСКИЙ ПРОМЫШЛЕННИК Н.А. ВАРЕНЦОВ И ЕГО МЕМУАРЫ

От оживленной и шумной, известной своими домами-дворцами и их именными владельцами Старой Басманной улицы в Москве, недалеко от Разгуляя, отходит в сторону Немецкой слободы патриархально-тихий Токмаков переулок, который, чуть изгибаясь, открывает взору стройную вертикаль колокольни казачьей церкви Вознесения на Гороховом поле. В XIX в. в этом районе селились купцы средней руки: Струковы, Юдины, Ступины, Каширины. Среди типичной одно-двухэтажной жилой застройки выделялся лишь один ампириный особняк начала XIX в. (к счастью, сохранившийся до наших дней) на углу Токмакова и Денисовского переулков. Сквозь нежную зелень теперь уже двухсотлетних лиственниц просматривается одноэтажное каменное здание с крестообразным мезонином и главным фасадом, украшенным стройным четырехколонным портиком. Предание называет среди владельцев этой усадьбы и писателя Д.И. Фонвизина, и декабриста М.А. Фонвизина, однако документально установлено, что участок с домом (после пожара 1812 г. частично восстановленным и достроенным) и многочисленными хозяйственными постройками последовательно принадлежал поэту Н.Е. Струйскому, дворянам Белавиным и купцам Четвериковым. Последним владельцем усадьбы был потомственный почетный гражданин, купец и промышленник Николай Александрович Варенцов (1862—1947).

В начале XX в. он был широко известен в деловых кругах Москвы и России как владелец нажитого собственным трудом 11-миллионного состояния, директор двух солидных фирм, торгующих хлопком, шерстью и каракулем по всей стране; как председатель правления крупной текстильной мануфактуры и общественный деятель. После 1917 г. его имя было забыто. Революция, разрушив сложившийся порядок вещей, особенно жестоко обошлась с дворянством и купечеством. Сейчас сложилась парадоксальная ситуация: мы гораздо лучше осведомлены об эмигрантах, чем о тех, кто не смог или не захотел уехать. Их следы теряются уже в первые послереволюционные годы, чему способствовали гражданская война, голод, болезни, аресты, ссылки и казни.

Тяжелые, трагические обстоятельства жизни в Советской России не сломили Варенцова. Живя в полной безвестности и нищете, он в 1930-е гг. нашел в себе душевные силы и даже мужество (если учесть разительное несоответствие сути его прежней жизни новым, революционным идеалам) записать свои воспоминания. До 1980 г. восемь общих тетрадей хранились в семье, а затем большая их часть была передана в Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ. Ф. 458). Воспоминания Варенцова, входящие в число весьма не-

многочисленных купеческих мемуаров, представляют несомненный историко-общественный интерес благодаря широте охвата событий, достоверности информации и полноте характеристик, их отличают очевидные литературные достоинства.

Николай Александрович Варенцов происходил из старинной переславль-залесской семьи, ведущей свое начало по крайней мере с XVII в. По исповедным росписям, опубликованным в 1891 г. Н.А. Найденовым на средства Н.А. Варенцова¹, основателем обширной купеческой династии был посадский человек г. Переславля-Залесского Галицкий четверти (с 1778 г. — Владимирской губернии) Василий, имевший трех сыновей: Алексея (род. 1682), Ивана (род. 1684) и Михаила. У единственного сына среднего брата, Михаила Ивановича, было шесть человек детей, однако почти все они умерли в детстве, и продолжил род только старший сын Никита. Его сыновья — Петр, Анисим и Марк — числились уже купцами. Марк Никитич (1770—1845) — прадед мемуариста — торговал москательным товаром и в конце XVIII в. переехал в Москву, навсегда здесь обосновавшись.

На портрете, написанном неизвестным художником в 1827 г. и хранящемся в Музее В.А. Тропинина в Москве, купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин Марк Варенцов изображен с золотой медалью «За полезное» на аннинской ленте, дававшейся за труды на ниве благотворительности и общественной деятельности. С другого портрета смотрит на нас его жена — Марфа Сергеевна (1771—1836). Торговое дело отца наследовали сыновья Михаил Маркович (1795—1853) и Николай Маркович (1800—1878)².

Н.М. Варенцов, дед автора воспоминаний, торговал чаем и мануфактурой. Он пользовался репутацией очень честного человека. В 1833 г. он был гласным городского суда, в 1842—1846 гг. — членом комиссии строений, в 1850-х гг. — членом Московской городской шестигласной думы. Однако коммерсантом Николай Маркович был не очень удачливым; на какой-то операции с доставкой большой партии чая из Китая он потерял почти все состояние, унаследованное от отца, и доживал в среднем достатке в своем доме на Земляном валу, перейдя в 3-ю гильдию.

После 1860 г. Николай Маркович прекратил торговую деятельность, передав дело сыну Александру Николаевичу (1824—1863), однако и тому не удалось поправить состояние, его дети получили весьма скромное наследство. А.Н. Варенцов женился в 1852 г. на купеческой дочери Александре Федоровне Рябиновой (1837—1908). В их семье придерживались строгих моральных правил, которые родители стремились привить и детям. Перед смертью, обращаясь к четырем дочерям и сыну, Александр Николаевич завещал им «быть всю жизнь честными

¹См.: Переславль-Залесский: Материалы для истории Данилова монастыря и населения города XVIII столетия. М., 1891.

²В 1820-е гг., по-видимому, одновременно с родительскими, были выполнены парные портреты Михаила и Николая Марковичей с женами. Портреты старшей ветви варенцовской семьи находятся ныне в Музее истории г. Москвы, а портреты Николая Марковича и его жены Елизаветы Максимовны до сих пор бережно сохраняются в семье наследников мемуариста.

людьми». По семейным рассказам, этот милый, замкнутый и мягкий человек был хорошо образован, знал иностранные языки. Французские книги его библиотеки с пожелтевшими пометками на полях приходилось держать в руках даже внукам Александра Николаевича.

Оставшаяся молодой вдовой Александра Федоровна решила посвятить свою жизнь воспитанию детей. Семья переехала с Земляного вала в Замоскворечье, в Кадашевский переулочек; здесь и вырос Николай Александрович. В 1870 г. он поступил в Московское коммерческое училище на Остоженке, куда определяли своих детей многие купеческие семьи. Однако здесь младший Варенцов учился без особого интереса и полного курса не кончил. Задетый насмешками приятелей, он дал себе слово поступить в престижное Императорское Техническое училище, куда успешно сдал экзамены в 1878 г. Еще во время учебы он влюбился в Марию Николаевну Найденову, дочь крупного общественного деятеля, основателя Московского Торгового банка, председателя Биржевого комитета и почетного члена совета Технического училища Николая Александровича Найденова. Вскоре по окончании Н. А. Варенцовым училища (в 1885 г.) они поженились.

Как позже напишет об отце Андрей Николаевич Варенцов, оставивший краткие воспоминания о своей семье под названием «О пережитом»³, Николай Александрович был «человек незаурядный, очень деятельный и работающий. Он сам выбился в большие люди».

Область для своей коммерческой деятельности Н.А. Варенцов выбрал, по видимому, по подсказке тестя. Бурное развитие текстильной промышленности в России делало все более острой проблему обеспечения предприятий сырьем, предпочтительно отечественным, что было связано с хозяйственно-экономическим освоением Средней Азии. Целый ряд фирм занимался подобной посреднической деятельностью.

В 1873 г. по инициативе Н.А. Найденова для покупки и доставки хлопка из Средней Азии на фабрики Московского промышленного региона было учреждено Московское Торгово-промышленное товарищество (МТПТ). В Оренбурге действовал торговый дом «Н.П. Кудрин и К^о», позже он был расширен: указом Сената от 5 августа 1882 г. для осуществления двухсторонней торговли в Средней Азии и развития сырьевой базы отечественного хлопководства учреждалось «Среднеазиатское торгово-промышленное товарищество Н.П. Кудрин и К^о» (САТПТ), основными его пайщиками были крупнейшие предприниматели — Т.С. Морозов, Н.Н. Коншин, А.Л. Лосев, М.А. Хлудов, П.П. Малютин. Товарищество начало свою работу в 1885 г., правление составили директор-распорядитель Н.П. Кудрин и директора А.Л. Лосев, Н.П. Рогожин и А.А. Найденов. В апреле 1886 г. кандидатом в члены правления был избран Н.А. Варенцов, что стало началом

³Искренне благодарим вдову А.Н. Варенцова Лидию Петровну Варенцову, предоставившую возможность ознакомиться с хранящимся у нее текстом воспоминаний.

его деловой карьеры. Здесь он приобрел практические знания, связи с торгово-промышленным миром и большой опыт в ведении дел и общении с людьми; чрезвычайно много дала ему совместная работа с Кудриным, человеком самобытным и целеустремленным.

Вскоре Варенцов был избран на пост директора САПТТ. Однако внезапная смерть Кудрина в 1888 г. крайне тяжело сказалась на делах Товарищества. Сложное финансовое положение, необходимость внесения изменений в устав САПТТ, частая сменяемость директоров привели к тому, что конкуренты сильно потеснили Товарищество, работа в нем перестала удовлетворять и Варенцова, поэтому он с радостью согласился на предложение Н.А. Найденова перейти на работу в возглавляемое им МТПТ.

В мае 1889 г. Варенцов был избран директором МТПТ по комиссионной торговле хлопком, шерстью и каракулем. В том же 1889 г. на Нижегородской ярмарке он сумел вести на равных конкурентную борьбу с авторитетными московскими оптовиками хлопка С.Ю. Ерзиным и О.М. Вогау и комиссионером-монополистом по шерсти — торговым домом «Шагазиев, Зыбин и Шимко». У Варенцова сложились тесные партнерские отношения со среднеазиатскими баями и купцами, искавшими надежных посредников для поставок хлопка по новому пути (железной дороге Чарджоу — Красноводск и далее пароходами по Каспию и Волге). Ему, как солидному поставщику сырья, оказал доверие сам владелец Никольской мануфактуры Т.С. Морозов, до того времени не имевший дел с МТПТ. Успеху коммерческой деятельности Варенцова способствовали его длительные деловые поездки по Средней Азии, личное знакомство с эмиром Бухары, туркестанским генерал-губернатором, высшими чиновниками администрации и местным купечеством.

В конце 1880-х гг. МТПТ взяло под свой контроль ряд промышленных предприятий, которым грозило полное разорение. На грани банкротства было и учрежденное в 1882 г. Товарищество мануфактур Н. Разоренова и М. Кормилицына в Кинешме. Новый директорат, состоящий из предпринимателей «найденковского клана» (И.Г. Простяков, И.И. Казаков и др.), в который с 1889 г. входил и Н.А. Варенцов, в короткий срок выправил положение дел на фабриках кинешемского предприятия, и в первый же год нового правления фирма получила доход в 100 тысяч рублей.

В 1905 г. Варенцов оставил работу в МТПТ и стал председателем правления Товарищества мануфактур Н. Разоренова и М. Кормилицына. (В 1907 г. оно было преобразовано в Товарищество Большой Кинешемской мануфактуры с основным капиталом в 2 млн 400 тысяч рублей.) На этом посту он оставался вплоть до 1918 г. Во время его правления Большая Кинешемская мануфактура превратилась в процветающее предприятие, на котором работало до 4 тысяч человек. В сферу его предпринимательских интересов к 1913 г. попадает и промышленность строительных материалов: он становится, вместе с дочерью Ниной Николаевной

Лист (урожд. Варенцовой) и своим шурином А.Н. Найденовым соучредителем Товарищества по обработке камня «Н.Н. Лист и К^о», торгующего под фирмой «Георгий Лист».

Предпринимательской деятельности автора мемуаров был свойствен широкий размах. Он искал не только собственную выгоду, умел видеть проблемы развития отечественной промышленности в целом. Во многом благодаря его усилиям на российских текстильных предприятиях стали широко использовать хлопок из Туркестанского края взамен привозного — американского, египетского и индийского. Варенцов принимал участие в ряде общественных начинаний: был гласным Московской городской думы, попечителем частной женской гимназии в Москве, активным членом Дамского попечительства о тюрьмах, в состав которого входили видные представители городской администрации, духовенства и купечества. Н.А. Варенцов имел и награды: орден Св. Станислава 3-й степени и золотую Бухарскую звезду 1-й степени.

В деловых кругах Варенцов имел репутацию честного, справедливого и отзывчивого человека. Интересный случай, относящийся к голодным 20-м годам, описывает в своих воспоминаниях сын Николая Александровича, Андрей: приближалась Пасха, а «дома ничего не было, и достать было трудно. И вдруг вечером в Страстную пятницу приходит к отцу пожилой человек, представляется и говорит: «Николай Александрович, когда-то Вы меня выручили деньгами и я Вам их не отдал. А вот теперь я получил большую посылку от АРА (кажется, так называлось общество, доставлявшее сюда продовольственные посылки). Думаю, что Вы нуждаетесь, и вот решил хотя бы часть долга отдать Вам продуктами». Там, помню, оказались мука, сахар, масло и еще что-то много».

С начала своей деловой карьеры Варенцов становится московским домовладельцем, а затем и помещиком. Ему принадлежали комплекс доходных домов под № 4 на Старой Басманной улице (снесены в 1930-х гг.) и имение Бутово под Москвой. В 1889 г. он приобрел усадьбу в Токмаковом переулке (ныне здесь располагается Общество купцов и предпринимателей России). Однако спокойствие в этом доме длилось недолго, в середине 1890-х гг. начинается полоса тяжелых душевных переживаний. Около 1896 г. он расходится с М.Н. Найденовой, матерью его пятерых детей. Старший сын Сергей и дочери Нина и Мария уехали с матерью, а Марк и Лев остались с отцом. Позже Мария Николаевна вышла замуж за присяжного поверенного В.А. Александрова, а Н.А. Варенцов женился на Ольге Флорентьевне Перловой, происходившей из семьи известных московских чаепрогонцев.

Судьба самого Николая Александровича и его детей от двух браков повторила жизненные пути многих, кому пришлось жить в смутные годы первой трети XX в. Старший сын Сергей, будучи учеником Александровского коммерческого училища, оказался участником революционных событий 1905 г. в Москве. Сергея Николаевича отец считал своим преемником и сделал его членом директората

Большой Кинешемской мануфактуры. Но надеждам Николая Александровича не суждено было сбыться: С.Н. Варенцов погиб на фронте в первую мировую войну. Прапорщиками на этой войне воевали и два других сына — Марк и Лев.

Как и большинство представителей крупной буржуазии, Варенцов был членом партии октябристов, А.И. Гучков настойчиво предлагал ему войти в ЦК.

«Страх и трепет, угнетение души и сердца» — так, перефразируя слова из Библии, характеризовал Николай Александрович свое состояние первых после-революционных лет. В Москве он жил под постоянной угрозой ареста. Вдруг оказалось, что его любимый дом в Токмаковом переулке имеет одно важное преимущество: выходя на две улицы, он позволял в случае опасности скрыться незамеченным. Варенцова не покидала тревога за сыновей. Марк в начале Октябрьской революции и боев в Москве вместе с юнкерами оборонял Кремль. Как известно, юнкера сдались Красной гвардии при условии, что их всех (без погон) выпустят из Кремля. «Я помню, — писал позднее Андрей Варенцов, — как Марк прибежал домой и отдал мне на память пропуск на выход из Кремля, подписанный каким-то полковником. К сожалению, я этот пропуск закопал на чердаке нашего дома». Позже Марк и Лев участвовали в белом движении: Марк сражался в Деникинской армии, а Лев — у Колчака (отступая с его частями, попал в Китай и умер в эмиграции после 1930 г.).

В 1918 г. Николай Александрович решил покинуть Москву и пробраться на юг. Вместе с семьей своего племянника М.А. Сачкова, а также с Николаем Петровичем Бахрушиным и его сыном Николаем ему удалось перебраться на Украину в Киев, оттуда в Одессу — в надежде выехать отсюда за границу. Несколько лет они прожили в Одессе. В 1920 г. Варенцов совершенно случайно обнаружил в госпитале больного сыпным тифом и оставленного без присмотра сына Марка и выходил его. Тогда же, в 1920 г., приехала в Одессу, преодолев все трудности пути, и Ольга Флорентьевна с младшими детьми. Однако выехать за границу семье не удалось. Позднее Н.А. Варенцов вспоминал, как проводилась погрузка на иностранные пароходы, какая была в порту паника, как туда приезжали на великолепных экипажах, все бросали и со слезами просили взять с собой на пароход, но это почти никому не удавалось, поскольку грузили в основном белогвардейские части (все это описал И.А. Бунин в «Окайных днях»). В 1922 г. Варенцов и его родные вернулись в Москву.

Дом в Токмаковом переулке подвергся уплотнению: с 1918 г. здесь были размещены многочисленные организации и жильцы, Николаю Александровичу и Ольге Флорентьевне пришлось перебраться в маленький домик по соседству (Денисовский пер., № 6), а затем в квартиру своей невестки, жены младшего сына Константина в доме № 25 по Старой Басманной улице. Н.А. Варенцов еще сохранял надежду как-то наладить жизнь: пытался, следуя провозглашенной советской властью «новой экономической политике», заняться предпринимательством, организовал товарищество по торговле тканями с Туркестанским краем, но в 1924 г.

деятельность его предприятия была прекращена. Он пытался быть полезным своими знаниями и опытом, предлагая услуги в качестве консультанта ВСНХ по хлопковому делу. Об этом времени вспоминал А.Н. Варенцов: «Вообще-то семья наша в 20—30-е годы бедствовала и еле держалась на поверхности: время-то — частые обыски, аресты, карточки и полная обобранность. <.....> Но я никогда не слышал от отца жалоб и упреков. Все он принимал как кару за прошлую богатую жизнь».

Репрессии, видимо, за преклонность его лет, обошли стороной самого Николая Александровича, но не его семью. В 1927 г. был арестован и расстрелян по ложному обвинению ГПУ сын Иван. Зять — Владимир Львович Барановский (за ним была замужем дочь Нина, в первом браке Лист), брат жены А.Ф. Керенского Ольги Львовны, бывший полковник царской армии и генерал-майор, начальник кабинета военного министра Временного правительства, был репрессирован в начале 1930-х гг. В 1933 г. заболела тифом и умерла в Сокольнической больнице тяжело переживавшая гибель сына Ольга Флорентьевна, причем, как вспоминал А.Н. Варенцов, смерть избавила ее от ареста, вместо нее был арестован Николай Александрович, но вскоре выпущен, поскольку сумел доказать, что у него ничего уже не осталось⁴.

Марк, до революции окончивший юридический факультет Московского университета, по возвращении из Одессы работал юрисконсультom, а свободное время проводил за шахматами (он имел первый разряд; в свое время был известным футболистом, в 1911 г. выступал за сборную Москвы). Как выходцы из буржуазных семей, младшие братья Андрей и Константин постоянно испытывали на себе последствия своего социального происхождения: блестяще учившийся Константин не смог получить диплом промышленно-экономического техникума, созданного на базе Александровского коммерческого училища, ему пришлось поступить в заочный строительный техникум; позже братья работали в малозаметных технических конторах. В 1941 г. они были призваны в действующую армию, Константин погиб в ополчении под Москвой.

А.Н. Варенцов записал в своих воспоминаниях: «В зимы войны я, служа в гражданской обороне Москвы и работая преподавателем на офицерских курсах, иногда отпрашивался к отцу наколоть ему дров для маленькой печурки, установленной в его комнате. Дома тогда не топили, и электричества не было. Папа

⁴А.Н. Варенцов вспоминает, как были отобраны у Ольги Флорентьевны драгоценности в 1918 г.: «Мама получила повестку явиться в сейф, в котором хранила свои ювелирные вещи. Такие повестки получали все, у кого драгоценности хранились в сейфах. Там якобы должны были все переписать и дать охранную записку, а ключи отобрать. Мама почему-то взяла меня с собой. Помню элегантного молодого человека в черном костюме, при котором мама открывала сейф (стальной ящик с очень толстой крышкой). Он все переписывал. Когда он немного отвернулся, мама хотела спрятать какую-то драгоценность. Он сразу заметил: «Оставьте, гражданка, это все останется вашим». Квитанция-расписка была выдана. Больше своих драгоценностей мама не видела, а расписка где-то затерялась».

сидел, с головой накрывшись пальто, при маленькой копилочке. Но он был молодец и, несмотря на возраст и голод, сам днем ходил и покупал, что мог достать. <...> Папа пережил войну в своей комнате. Во время бомбежек ни в какие убежища не ходил, а подходил к окну и смотрел, как рвались зенитные снаряды, летели трассирующие пули, и слушал специфический гул немецких бомбардировщиков».

По свидетельству членов семьи одного из друзей Н.А. Варенцова — профессора Н.Е. Пестова, живших неподалеку и поддерживавших одинокого старика, Николай Александрович в годы войны сильно бедствовал и болел. Он умер в возрасте 84 лет 22 января 1947 года. Один из его знакомых, писатель А.А. Солодовников, так сказал о Н.А. Варенцове: «После 1917 года он лишился всего и стал нищим в полном смысле этого слова. Пройдя через такие духовные перегрузки, он не утратил ясности души, все воспринимал с благодарением и умер, повторяя “Слава Богу!”»⁵. Ныне простой православный крест осеняет его последнее пристанище на Немецком (Введенском) кладбище, у Большой боковой аллеи.

Работу над воспоминаниями «Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое»⁶ Н.А. Варенцов начал в 1930-е гг. Их основу составили отдельные дневниковые записи, деловые заметки, письма, документы, часть которых, по свидетельству автора, погибла в 1918 г. Первоначальный, черновой вариант, написанный на отдельных листах бумаги, был перебелен и переписан в восемь общих тетрадей, причем текст вновь подвергся небольшой авторской правке стилистического характера, внесенной по большей части карандашом, изредка чернилами⁷. В начале каждой тетради автором было сделано краткое рабочее оглавление. Одна из глав (67-я) имеет точную дату написания — 13 мая 1933 г. В тексте упоминаются также события 1932 г. (гл. 53) и 1936 г. (гл. 36). О том, что работа над мемуарами была закончена во второй половине 1930-х гг., свидетельствует и внучка Николая Александровича — И.А. Глинская, читавшая их в те годы. Имеются сведения, что отрывки из воспоминаний читались близким автору людям: Ф.Н. Малинину, Н.Е. Пестову, А.А. Солодовникову.

1930-е гг. явились для Николая Александровича временем осмысления и подведения итогов своей жизни. Не случайно, что еще одну такую же общую тетрадь в коричневой коленкоровой обложке он заполнил многочисленными выписками из сочинений духовных писателей и философских трудов, в частности из бесед

⁵Московский журнал. 1992. № 3. С. 41.

⁶Ср.: *Найденов Н.А.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 1903—1905. Ч. 1—2.

⁷Помимо семи тетрадей, переданных в 1980 г. в ГИМ, у родственников сохранилась первая тетрадь названных мемуаров и неоконченная тетрадь воспоминаний о первом послереволюционном времени под названием «Жуткие годы». Приносим сердечную благодарность Л. Н. и В. А. Варенцовым, разрешившим воспользоваться хранящимися у них материалами и включить их в публикацию мемуаров Н.А. Варенцова.

Серафима Саровского, сочинений Игнатия (Брянчанинова), работ Н.А. Бердяева «Судьба человека в наше время» и П.А. Флоренского «Столп и утверждение истины»; возникает здесь и апокалиптическая тема.

Воспоминания Н.А. Варенцова относятся к купеческой мемуаристике, которая не была столь обширна, как, например, дворянская или революционная. Интенсивное промышленное развитие России в конце XIX — начале XX в. не нашло достаточного отражения в мемуарной литературе: главные участники этих событий — купцы, промышленники, банкиры — не вели дневников, а после 1917 г., оказавшись не у дел, очень немногие взялись писать мемуары. Опубликованы и многократно цитировались воспоминания Н.А. Найденова, П.А. Бурьшикина, И.Д. Сытина, М.В. Сабашникова, С.И. Четверикова, П.И. Щукина и некоторые другие. Архивные разыскания (в государственных и частных собраниях) дают возможность постепенно расширять этот круг.

Данная область мемуаристики мало изучена, большая часть представляющих ее текстов стала известна сравнительно недавно. Купеческие воспоминания, написанные до революции, имеют характерную особенность: мемуаристы не предназначали свои произведения для широкой публики, видимо, находя свою жизнь и деятельность недостаточно общественно значимыми. Имея средства, авторы печатали свои воспоминания — но в очень ограниченном количестве экземпляров, не предназначенная их для продажи⁸, и с указанием: «Для лиц, принадлежащих и близких к роду составителя»⁹.

Купеческое сословие не было однородным, из него выходили не только предприниматели, но и коллекционеры и меценаты. По этой причине часть мемуаров, возникших в купеческой среде, посвящена главным образом литературе и искусству. Таковы воспоминания П.И. Щукина, А.П. Бахрушина, И.Д. Сытина, М.В. Сабашникова. Деловой — промышленно-торговый и банковский — мир России описан не столь полно. Некоторые мемуаристы писали только о собственных предприятиях; другие, задумав обширное повествование, не успели довести его до конца.

К числу последних относятся воспоминания Н.А. Найденова, человека, занимавшего одно из ведущих мест в купеческой среде и обладавшего широким историческим кругозором. В его мемуарах судьба человека дается в контексте общеисторических событий. Рассказы автобиографического характера, подробно излагающие историю найденовского рода, детство и юность автора, начало его деловой карьеры, сочетаются здесь с описанием реформ городского и сословного управления, изложением истории ряда предприятий, психологическими портре-

⁸См.: [Вишняков Н.П.] Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым. М., 1903—1911. Ч. 1—3. 100 экз.; Щукин П.И. Воспоминания. М., 1911—1912. Ч. 1—5. 50 экз.

⁹Найденов Н.А. Воспоминания... М., 1903. Т. 1.

тами¹⁰. Воспоминания Найденова доведены только до 1870-х гг., о самом значительном периоде своей жизни автор рассказать не успел.

Как нам представляется, именно найденовские мемуары послужили образцом для Н.А. Варенцова. Это сказывается не только в переключке названий, но и в общем подходе к материалу, в стремлении дать широкую картину жизни купеческого сословия, выйти за узкие биографические рамки. Примечательно, что именно известие о смерти Найденова заканчиваются мемуары Варенцова.

«Москва купеческая» достаточно полно представлена в известной книге П.А. Бурышкина, однако этот труд соединяет в себе черты мемуаров и исторического исследования, поскольку автор в значительной степени опирался на собранные им документальные материалы и устные рассказы¹¹. Его первые собственные наблюдения над торгово-промышленным миром Москвы относятся к 1904 г., когда он начал выполнять секретарские обязанности при своем отце; активным же участником общественно-деловой жизни Бурышкин стал только в 1912 г. Будучи на 25 лет моложе Н.А. Варенцова, П.А. Бурышкин, конечно, не мог быть свидетелем событий, относящихся к последней трети XIX в., более того, он не имел и такого обширного круга личных знакомств, как автор публикуемых мемуаров. Поэтому воспоминания Варенцова превосходят по богатству, широте охвата событий и сообщаемой информации книгу Бурышкина.

Мемуары Н.А. Варенцова охватывают период с середины 1870-х гг. до 1905 г. (эта крайняя дата была выбрана автором вполне сознательно). Их ценность как исторического источника не подлежит сомнению: они принадлежат человеку, благодаря своим обширным семейным и деловым связям хорошо знавшему описываемых персонажей и старавшемуся излагать события и факты максимально объективно.

Как предписано жанровыми канонами, Варенцов подробно излагает историю своего рода; в других источниках сведения об этой старинной купеческой семье отсутствуют. Автор мемуаров, безусловно, опирался на семейные предания, рассказы матери, других родственников. По возможности полно описывает основные генеалогические ветви семьи, отмечает все фамильные связи. Постоянное общение с родственниками, совместная предпринимательская деятельность, семейные обеды, не обходившиеся без рассказов и устных воспоминаний, дали Варенцову богатый фактический материал для мемуаров.

Кроме того, три десятилетия активного участия в русской торгово-промышленной жизни доставили Варенцову обширный круг знакомых: с одними он был связан дружескими отношениями, с другими — длительными деловыми; более того, «по долгу службы» ему приходилось наводить справки о состоянии дел своих клиентов. Ярко и колоритно обрисованы им известные представители купеческого мира Москвы и других городов России: Т.С. Морозов, А.А. и Н.П. Бахрушины, Н.А. Найденов, Н.А. Алексеев, целые семейные династии — Хлудовых, Востря-

¹⁰ См.: *Иванова Л.В.* «Издатель и писатель по старой Москве»: Николай Александрович Найденов. 1834—1905 // *Краеведы Москвы*. М., 1995. [Вып. 2]. С. 77—78.

¹¹ См.: *Бурышкин П.А.* Москва купеческая. М., 1990.

ковых, Боткиных, Рябушинских, Перловых, Коноваловых, и многие, многие другие. Автор описывает свои встречи с Д.И. Менделеевым, С.Ю. Витте, великим князем Николаем Константиновичем, Н.М. Барановым, И.Л. Горемыкиным, А.С. Сувориним, А.И. Коноваловым и другими известными людьми.

Художественная ткань мемуаров Варенцова включает целый ряд биографических очерков, в которых автор выстраивает не только жизненную канву своих героев, но дает им самостоятельные, тонкие характеристики. О некоторых персонажах варенцовских воспоминаний в настоящее время известно достаточно много по воспоминаниям их современников и потомков, а также по работам историков, тем не менее в публикуемом тексте читатель найдет описание любопытных бытовых деталей, внешности, подмеченных мемуаристом привычек и черт характера.

В мемуарах показаны пути становления и развития ряда мануфактур, торговых фирм и предприятий: от крупнейшей в России Кренгольмской мануфактуры до небольших хлопкоочистительных заводов в Средней Азии. При этом сообщаются такие сведения и подробности, большинство из которых невозможно найти в дореволюционных историко-статистических очерках и юбилейных изданиях¹².

О человеческих качествах мемуариста можно судить по тем оценкам, которые иногда сопровождают повествование, а также по авторским симпатиям и антипатиям. В основе всей деятельности Н.А. Варенцова лежала предпринимательская мораль, унаследованная им от предков и заключающаяся в честных правилах ведения своего дела. Поэтому он нетерпимо относился ко всякого рода «грюндерским» проектам, разорявшим доверчивых и не слишком опытных вкладчиков, к безудержной наживе за счет спекулятивных махинаций и нечестной биржевой игры.

Типичный представитель своего сословия, человек думающий и наблюдательный, умудренный опытом прожитых после революции лет, Варенцов в своих воспоминаниях пытался осмыслить эпохальные события российской истории, свидетелем которых он был, и общественные настроения своего времени и класса. Мемуарист анализирует смену поколений в русском купечестве, когда прежних «крепких и сильных духом» купцов сменили их дети, более слабые и суетные; осуждает политическую непримиримость и то, что теперь называется «двойным стандартом».

В воспоминаниях Варенцова нашли отражение его многочисленные поездки по России, Средней Азии, в Египет, европейские страны, Париж, Рим, Вену, Монте-Карло, Ниццу. Эти путевые очерки полны интересных сведений, наблюдений и описаний, касающихся истории, культуры, достопримечательностей и обычаев виденных стран.

¹²См., напр.: *Иоксимович Ч.М.* Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. М., 1915. Т.1; *Грязнов А.Ф.* Ярославская Большая мануфактура. М., 1910; Торговое и промышленное дело Рябушинских. М., 1913; *Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых.* М., 1915.

Отдельные главы посвящены укладу жизни купечества, обычаям и семейным праздникам, паломничеству в Троице-Сергиеву лавру, тут многое перекликается с известными книгами И.С. Шмелева «Лето Господне» и «Богомолье». Хотя Варенцов не обладал таким блестящим литературным мастерством, как Шмелев, в его записках мы также найдем яркие бытовые зарисовки. В некоторых случаях автор выразительно показывает эволюцию русской жизни в XX столетии, разрыв духовных связей в обществе.

Н.А. Варенцов записывал воспоминания спустя несколько десятилетий после описываемых событий. Лишившись библиотеки, отобранной у него вместе с домом в Токмаковом переулке, он в стесненных бытовых условиях 30-х годов не имел под рукой справочных изданий, которые позволяли бы уточнить имена, названия, даты. И все же его редко подводила память: обращение к известным справочникам, в том числе «Вся Москва» и «Весь Петербург», подтверждает правильность подавляющего большинства называемых им имен и фамилий, даже у эпизодических персонажей. Это позволяет предполагать, что мемуарист опирался на первоначальные заметки дневникового или делового характера. На такой принцип работы указывает и авторское замечание в тексте 62-й главы. «Еще при самом начале моего путешествия по Египту, — пишет Варенцов, — я был очарован от всех получаемых впечатлений [от] этой дивной страны и уже тогда решил вести записи вроде дневника, чтобы в будущем можно было составить воспоминания о своем путешествии». Для этого он приобрел в Александрии фотокарточки, на обороте которых стал «писать в конспектном виде все переживаемое и их отсылать в закрытом виде в Москву детям, с предупреждением, чтобы они карточки сохранили до моего приезда». Дети так и поступили, фотографии были «мне вручены и все время лежали в укромном месте, ожидая приведения в исполнение моего желания, но в революционное время во время моего отсутствия из Москвы все бумаги были вытасканы и уничтожены, то же случилось и с египетскими фотографиями, за исключением двух карточек, из которых увидел стоимость букетов роз, клубники и еще что-то, иначе можно ли запомнить такие мелочи!».

Воспоминания Варенцова обладают высокой степенью достоверности — в изложении событий, в характеристиках людей, в описаниях и деталях. Пожалуй, наиболее разительным примером правдивости записок может служить рассказ, раскрывающий историю создания известного полотна В.В. Пукирева «Нервный брак». Варенцов пишет о том, что в ее основу был положен рассказ Сергея Михайловича Варенцова, друга художника и двоюродного дяди мемуариста, он же и был первоначально изображен в виде шафера невесты. Эта версия расходится с общепринятой, основывающейся на сообщении В.А. Гиляровского, согласно которой материал для картины дала жизненная драма самого художника, а изображение шафера является его автопортретом. Недавние разыскания искусствоведа Л.В. Полозовой подтвердили варенцовское семейное предание: сравнение изображения шафера на эскизе к картине «Нервный брак» (ГТГ) с портретом С.М. Варенцова также кисти Пукирева не оставляет сомнений в том, что здесь

изображено одно и то же лицо. В окончательном варианте картины (вследствие недовольства С.М. Варенцова) шаферу были приданы черты Пукирева¹³.

В воспоминаниях выведена яркая фигура М.А. Хлудова, храбреца и богатыря, участника Среднеазиатской экспедиции и турецкой войны. Многим современникам он запомнился своими экстравагантными поступками и умением приручать диких животных, поэтому варенцовские рассказы находят подтверждение как в мемуарных источниках¹⁴, так и в изобразительных¹⁵. Жена М.А. Хлудова, Вера Александровна, оставшаяся молодой вдовой, была знаменита тем, что дала первый в Москве «электрический бал», о нем, но без упоминания имени хозяйки, также писал В.А. Гиляровский¹⁶.

Мемуары Варенцова представляют интерес для историков литературы: некоторые из описанных здесь лиц послужили прототипами литературных героев. Представители хлудовского семейства, известного в Москве своим богатством и причудами, были выведены Н.Н. Каразиным в романе «На далеких окраинах», А.Н. Островским в «Горячем сердце», Н.С. Лесковым в «Чертогонне». Преступление В.Ф. Мазурина, о котором со слов семейного врача Ю.П. Гудвилевича пишет Варенцов, нашло отражение в романе Ф.М. Достоевского «Идиот». Крах Скопинского банка дал А.П. Чехову материал для серии репортажей «Дело Рыкова и комп.», опубликованных в 1884 г. в «Петербургской газете». В своей автобиографической прозе А.М. Ремизов вспоминает все найденовское семейство, его дом на берегу Яузы и сад, обращаясь тем самым к сюжетам и персонажам, о которых пишет и Варенцов.

Композиционно воспоминания, состоящие из 86 глав без заглавий, делятся на четыре части. Первую составили главы, посвященные началу коммерческой деятельности автора и его работе в САПТ; вторая охватывает тот этап жизни Варенцова, который был связан с Найденовым, МТПТ и поездками в Среднюю Азию; в третью часть вошли рассказы о купцах, предприятиях и фирмах, которых хорошо знал Варенцов; и, наконец, в четвертой описана бытовая жизнь купечества и представлены размышления Варенцова над общественными катаклизмами начала XX в. Трудно сказать, была такая композиция продумана предварительно или сложилась в ходе работы. Хотя можно указать ряд перебивов в повествовании, все же мысль автора развивается логично, события его жизни и возникающие по ассоциации воспоминания наложены на четкую хронологическую канву.

Мемуары Варенцова написаны сочным, метким, живым языком; однако автор, не имевший большой литературной практики, в своей речи иногда допус-

¹³Подробнее см.: *Варенцов Н.А.* Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое: Купеческий род со Старой Басманной // Наше наследие. 1997. № 43/44. С. 80–81, 83.

¹⁴*Гиляровский В.* Москва и москвичи. С. 118–121; Константин Коровин вспоминает... М., 1990. С. 337.

¹⁵См., напр., гравюру, изображающую М.А. Хлудова с мирно лежащим у его ног гепардом, помещенную в журнале «Всемирная иллюстрация» (1870. № 72. С. 354).

¹⁶*Гиляровский В.* Москва и москвичи. С. 221–222.

кал ошибки (неправильное употребление деепричастного оборота, несогласование, неверный порядок слов).

Охватывающие в своем повествовании весь девятнадцатый век и первую треть века двадцатого, воспоминания Варенцова насыщены событиями и персонажами. Но, кроме того, в них явственно ощущается личность самого мемуариста — человека талантливого, наблюдательного, думающего и независимого в своих суждениях; именно потому его книга не несет печати времени ее написания — 30-х годов XX в. Все это делает воспоминания Н.А. Варенцова ценным источником сведений о развитии предпринимательского дела в России второй половины XIX — начала XX столетий, быте и культуре Москвы того времени.

* * *

Настоящее издание осуществлено по беловому автографу: главы 16—86— по рукописи, хранящейся в ОПИ ГИМ (Ф. 458. № 104960), главы 1—15 и «Жуткие годы» — по тетрадям, хранящимся в семейном архиве Варенцовых.

Текст печатается с учетом небольшой авторской правки, внесенной карандашом. Пунктуация и написание ряда слов приведены в соответствие с современными нормами, опiski и грамматические ошибки исправлены без оговорок. В квадратных скобках восстанавливаются необходимые по смыслу слова. Встречающиеся в тексте индивидуальные сокращения (например, слов «мануфактура», «товарищество», «банк» и т.п.) раскрыты без оговорок. Стилистические особенности авторского текста сохранены, лишь в некоторых случаях исправлены очевидные ошибки.

* * *

Публикаторы благодарят потомков Н.А. Варенцова — *Г.А. Андреева, Л.Н. Варенцову, Л.П. Варенцову, К.М. Варенцова, И.А. Глинскую, Е.Л. Юдину* — за интерес к нашей работе и помощь, за предоставление возможности ознакомления с хранящимися в их семейных архивах материалами. Искренняя признательность *Е.А. Агеевой, Л.В. Ивановой, С.В. Ильину, Л.Н. Краснопевцеву, Ю.А. Петрову, Л.В. Полозовой, С.К. Романюку, О.В. Рыковой и Н.А. Филаткиной* за консультации и советы, заведующему ОПИ ГИМ *А.Д. Яновскому* — за содействие в работе над рукописью воспоминаний.

При иллюстрировании книги использованы живописные, графические и фотографические материалы из собраний Государственного Исторического музея, Государственной Третьяковской галереи, Музея В.А. Тропинина в Москве, Центрального московского архива документов на специальных носителях (фонд Н.М. Шапова), а также из архивов: семьи *Варенцовых, Н.А. Добрыниной, В.Н. Живаго, А.П. Крюкова, В.А. Любартовича, Н.Е. Пестова, М.В. Пржевальского, Н.А. Филаткиной, А.Н. Фирсанова, М.С. Хлудовой*.

В.А. Любартович, Е.М. Юхименко

